

РЕЦЕНЗИИ

А. Ю. Дворниченко

РОССИЮ ПОНИМАТЬ УМОМ?

Книга, которая критикуется в этой статье, посвящена важной и актуальной теме: взаимодействию между молодой российской политологией и старой российской исторической наукой. Авторы книги хотят «вернуть политологию к истории», и такую интенцию можно только приветствовать. Но автор данной рецензии был крайне удивлен, когда обнаружил идею о том, что для лучшего понимания современной политической ситуации нет необходимости погружаться в историю. По мнению рецензента, это большая ошибка, которая не позволила авторам понять современную историю России и объяснить ее читателям. Эта ошибка — результат плохого знания российской истории и неправильного отношения к историографии, которая используется весьма выборочно. Разбор всех положений, высказанных авторами книги, не позволил автору рецензии согласиться ни с одним из них. Это относится прежде всего к трактовке «самоуправления» в России. Далее — к пониманию роли так называемой клановой системы, которая заимствована авторами книги из западной политологии. Авторы не смогли доказать ее существование в современной России. Их идея об идентичности современного российского политического режима и режима Тайваня или Пакистана смешна, поскольку рецензент уверен: Запад есть Запад, Восток есть Восток, а Россия есть Россия. Авторы книги не понимают этого, а потому их прогнозы и советы в связи с будущим России «повисают в воздухе». На этом фоне вполне курьезно выглядит последняя глава, в которой авторы все-таки хотят обратиться к истории в поисках ответов на вызовы современности. Поскольку они вступают в противоречие со своими предшествующими утверждениями, да и, как уже отмечено, не хотят знать историю, их экскурсы в нее не идут дальше банальных сравнений и тривиальных выводов. Заключение автора рецензии таково: А. В. Лукин и П. В. Лукин не смогли «вернуть политологию к истории», другими словами, не смогли обогатить политологию великим историческим знанием. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: А. В. Лукин, П. В. Лукин, Россия, политология, политическая культура, историческая наука, историография, исторические мифы, электорально-клановая система, государство-клан, демократия, полиархия.

Для цитирования: Дворниченко А. Ю. Россию понимать умом? // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 201–214. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.115

Дворниченко Андрей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dvornichenko@spbu.ru

Dvornichenko Andrey Yurievich — Doctor in History, Professor, Institute of History, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dvornichenko@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

CAN RUSSIA BE GRASPED WITH THE MIND?

The book criticized in this article is devoted to a very important and topical subject: the interaction between the young Russian political science and the old Russian historical scholar. The authors want to “return political science to history” and this intention one can only welcome. But the author of this review was extremely surprised when he found the idea that for a better understanding of the current political situation there is no need to immerse yourself in history. In the opinion of the reviewer, this is a big mistake that prevents understanding modern Russian history and explaining it to readers. But this error is a result of poor knowledge of Russian history and a mistaken attitude to historiography, which is used very selectively. The analysis of all the provisions made by the authors has not allowed the author of the review to agree with any of these provisions. This applies primarily to the interpretation of “self-government” in Russia. Then to the understanding of the role of the so-called clan system whose concept the authors took from a Western scholar. The authors were unable to demonstrate the existence of it in modern Russia. Their idea about the identity of modern Russian political regime with the regimes in Taiwan or Pakistan is amusing because the reviewer is sure that the West is West, East is East, and Russia is Russia. The authors do not understand this, and therefore their predictions and advices in connection with the future of Russia “hang in the air”. On this background, the last Chapter in which the authors still want to appeal to history in search of answers to the challenges of modernity looks quite curious. Since it is in contradiction with the authors’ previous statements, and as already noted, they do not want to know the history, their excursions into history thus do not go beyond banal and trivial findings. Final reviewer’s conclusion is: A. Lukin and P. Lukin are unable to “return politics to the history” or, in other words, they are unable to enrich the political scholar with great historical knowledge. Refs 11.

Keywords: A. V. Lukin, P. V. Lukin, Russia, political science, political culture, history, historiography, historical myth, electoral-clan system, state-clan, democracy, polyarchy.

For citation: Dvornichenko A. Yu. Can Russia be grasped with the mind? *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 1, pp. 201–214. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.115

Кажется, начну в духе обычной для отзывов благости — книга известных московских ученых посвящена необычайно актуальной и важной теме — взаимодействию молодой российской политологии и исторической науки... Но вот беда — уже на уровне этих банальных «пролегомен», с самого начала возникает сомнение. Дело в том, что в аннотации к книге говорится о попытке авторов «вернуть политологию истории», а в предисловии — об их намерении «вернуть политологию к истории» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 4, 9]. Казалось бы, всего один предлог, а смысл неуловимо меняется. Мне-то кажется, что это история должна своим светом осветить политологию. В свое время В. О. Ключевский утверждал, что история не всегда должна быть политической, но политика всегда должна быть исторической, а продолжая его мысль, можем сказать, что наибольшее значение это имеет для очень молодой российской политологии. Ее состояние и развитие в книге оцениваются крайне низко — как «вторичный русскоязычный вариант» американской политической науки [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 212–213]. Резковато, но, наверное, стоит согласиться: похоже, зачастую вся политология на постсоветском пространстве сводится к истошным крикам на сомнительных встречах вроде «Вечера с В. Соловьевым». Панацею авторы видят именно в «фундаментальных традициях отечественной исторической науки», которую, видимо, скоро впитают в себя бывшие историки КПСС, «научные коммунисты» и философы-марксисты, собственно, и составившие многочисленную когорту современных российских «политологов» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 212]. Судя по всему, книга и написана для приви-

вания политологической братии этих самых «фундаментальных традиций». Книгу предваряет предисловие Арчибальда Хауэта Брауна — известного британского ученого, почетного профессора Оксфордского университета. Попытавшись разъяснить читателю (на двух страницах), что такое политическая культура и «с чем ее едят», он определил книгу как важнейшее исследование российской политической культуры, характеризующееся серьезным (хотя не слишком «теоретически формальным») анализом предмета [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 6–7].

Братья Лукины работали не совсем как Ильф и Петров: часть глав написана и поодиночке, поэтому вначале хочется сделать общее замечание. Книга явно страдает излишне пространным цитированием: редко в малогабаритной книжке встретишь цитаты длиной в несколько страниц. Что это? Желание как можно полнее передать мысль цитируемого или неспособность понять, «в чем краткий смысл сей длинной речи», и сжато его передать? Судить не берусь, но для читателя это довольно утомительно.

В то же время к историографии у авторов отношение просто удивительное. В недоброе старое время существовало понятие «продажная девка империализма», его распространяли на разных «героев», например на генетику. Так вот, несчастная историография в трактовке наших авторов не претендует даже и на такую роль. С ней обращаются ну просто как хотят — берут из нее что нравится, а что не нравится, просто «забывают». К сожалению, такая забывчивость, особенно по отношению к петербургской (ленинградской) школе, весьма характерна для московского «клана» историков (о кланах вообще см. ниже).

Первая глава, написанная П. В. Лукиным, что называется, просто «выпирает». Дело в том, что примерно в середине книги оба автора приходят к выводу, что вообще-то погружаться в историю нет смысла, объяснение нынешней ситуации надо искать в недавнем прошлом, а корни «современной политической культуры» — в реалиях непосредственно предшествующего периода» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 152]. Но зачем тогда на протяжении десятков страниц изучать «самоуправление» древнего Новгорода? Это тем более досадно, что с данной темой братья, как говорят в народе, «подставляют и нарываються». Дело в том, что работы младшего Лукина в области изучения Древней Руси — сомнительное плавание между Сциллой трюизмов и Харибдой плагиата. Мне уже приходилось об этом писать и, честно говоря, повторяться не очень хочется. Свой анализ «творчества» П. В. Лукина я закончил тогда следующей тирадой: «Думаю, что “феномен” П. В. Лукина прост. Хочется сказать что-то свое, хочется написать книгу, а то и диссертацию. Вот и создается такая псевдонаука или видимость науки» [Дворниченко 2014, с. 343]. За это время П. В. Лукин и совершил то, о чем я писал, тиражируя в разных видах свою псевдонауку [Лукин П. В. 2012; Лукин П. В. 2014 и др.]. Как говорится, бог ему судья, однако всё это — штрихи к портрету как раз той самой России, которой интересуется современная политология.

Вторая глава написана двумя братьями, в ней они хотят сразиться с «неправильными» трактовками российской политической культуры и прежде всего с двумя главными, как им кажется, мифами — концепцией уникальной авторитарности России и постоянной борьбой демократической (либеральной) и авторитарной тенденций. Эти мифы давно уже стали общим местом в политологической литературе...

Хотя братьев двое, а не трое, тут они весьма напоминают знакомых нам с детства былинных богатырей. Сначала они обозначают врага — такого Змея Горыныча о трех головах (Р. Пайпс, Т. Самуэли, З. Бзежинский, впрочем, просматриваются и головки помельче), а потом с ним сражаются, интерпретируя по-своему русскую историю. Правда, для этого им надо было бы раздобыть то самое кольцо, за которое, как известно, богатырь тянул, стремясь перевернуть мироздание, ведь поднять такой пласт материала на нескольких десятках страниц практически невозможно. Мне, например, для этого не хватило и почти тысячи страниц [Дворниченко 2010]¹. Наверное, из-за нехватки места выводы и наблюдения братьев тривиальны и в конечном итоге неверны. Не говорю уже о курьезности ситуации: работы упомянутых авторов, которые уже давно «забронзовели» (в лучшем смысле слова), — это классика, с которой в свое время в нашей стране не спорил только ленивый. Сейчас с ними спорить просто смешно, тем более на нескольких десятках страниц и тем более, что многое в их наблюдениях оспорить невозможно.

На нескольких страницах истории изучают проблему «слабости российского самоуправления», нарушая свой же призыв учитывать конкретность рассматриваемого времени [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 81]. Авторы не отдают себе отчета в том, что само понятие «самоуправление» на русском материале можно рассматривать сугубо в историческом ключе: одно дело — древнерусские державные города-государства [Дворниченко 1988], а совсем другое — зажатые властью городские думы, возникшие в результате злополучных «великих реформ». Какое отношение к самоуправлению имеют «выхолащенные выборы в КПСС и советском государстве» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 93] — остается только гадать. Слоганы же типа «Российская империя вряд ли была менее демократической, чем, например, вполне европейская империя Габсбургов» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 94] поражают своей легковесностью даже на уровне обыденного восприятия. Кто побывал в Вене, наверняка почувствовал отличие тамошней империи от нашей.

Столь же легковесна и попытка «разобраться» с тяжелой проблемой византийского наследия. Отсюда и пассажи о том, что мы «заимствовали» из Византии кириллицу... Как можно было это сделать, если алфавит там был греческий? Впрочем, это уже, наверное, заморочки старого преподавателя истории... Но вот с «влиянием татар» совсем ужасно — на одной странице его и изучают, и вывод делают: «...До настоящего времени доказательств существенного монгольского влияния на общественный строй Руси не найдено» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 108]. Специалисты спорили и спорят уже четвертое столетие, а тут на тебе: «не найдено» и всё. Без анализа источников и историографии можно делать любой вывод, студентам за это приходится ставить «неуд», а вот столь зрелым и почтенным мужам? Хотя об этом (отношении к историографии) уже говорено, как «специалист по Г. В. Вернадскому» не могу не обидеться за своего героя, о котором авторы, похоже, не знают. То же самое относится и к преемственности Киевской и Московской Руси. У нас эта проблема стала восприниматься слишком прямолинейно, а ведь надо осознать: можно всю Москву уставить памятниками Владимиру Святому, можно даже в Киев перетащить уродливого черетелевского Петра, но связь Киевской и Московской Руси проще от этого не станет [Dvornichenko 2016].

¹ Есть и популярное изложение моей концепции [Дворниченко 2015].

Столь же примитивно авторы рассмотрели и проблему российского пространства, фактически подменив ее... проблемой русской нации, которую тоже, впрочем, скомкали. Между тем разброс мнений касательно этого самого пространства чрезвычайно велик: от его воспевания до мысли о том, что будь за Уралом морские глубины, наша история пошла бы по другому, гораздо более приятному сценарию [Дворниченко 2010]. С общиной наши историки решили и вовсе не «заморачиваться»: остались на уровне историографии 60-х годов XX в. (проигнорировав, например, фундаментальную книгу Л. В. Даниловой [Данилова 1994]). В результате вывод они сделали в духе историографии почти тех же годов... только «позапрошлого», XIX столетия: поздняя община была порождением государства [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 116].

Поражает глубина вывода касательно другой «больной» проблемы нашей исторической науки — российского феодализма. Авторы пишут, что если и допустить, что нигде на Руси феодализма не было, «то влияние этого фактора на политическое развитие не очевидно»: различие между самодержавной Москвой и вечевыми республиками Северо-Запада не связано с феодализмом [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 118–119]. Тут даже самая элементарная логика «хромает»: как может вызывать различия между тем и тем, что отсутствует и там и сям?! Если бы авторы обратились к историографии, а не бродили вдвоем по нашей истории, то заметили бы, что эти различия уже давно объясняют, не прибегая к понятию феодализма, — при отсутствии или присутствии оно.

Впрочем, феодализм интересен нашим авторам не сам по себе, а как подступ к вопросу о частной собственности. Была она в России или нет? Ответить на этот вопрос в очередной раз на нескольких страницах они не смогли: не выручили ни очередные упреки в адрес «несчастливого» в нашей историографии К.-А. Витфогеля с его теорией восточного деспотизма, ни привлечение примеров из истории стран Востока, ни даже оригинальная мысль о том, что правовая система и демократия возникли первоначально в Британии — государстве со слабыми римскими традициями [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 131]. В вопросе о борьбе авторитаризма и демократизма братья пошли по дороге, проторенной младшим из них, — быть «третьим радующимся»: не правы и сторонники авторитаризма, и сторонники теории «двух культур», дескать, и того и другого у нас полно примеров [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 135]. Такая амбивалентность хороша, видимо, в политике, но не в науке: понять-то явление и процесс все равно надо. Позиции авторов касательно преемственности российской и советской политической культур я, признаться, не понял за обилием цитат из тех же американцев, да еще нашего Н. А. Бердяева...

В общем, теперь очевиден вывод авторов о том, что в историю нет смысла погружаться. Объясняется он тем, что русской истории авторы не знают, да и знать не хотят. А дальше уж совсем простота... та самая, что хуже воровства. Ведь если историей Германии нельзя объяснить и нацизм, и современную блестящую демократию, то можно ли вообще что-либо объяснить исходя из истории? Опять-таки — нельзя, если историю не знать! А вот культура современной России, по Лукиным, намного ближе культурам современных Британии и Китая, чем культуре жителей Киевской Руси. Я сам не склонен преувеличивать, как уже только что и отмечал, прямых связей между Киевской Русью и современными государствами восточных славян. Может, и правы наши авторы? Видимо, их правота окончательно

восторжествует, когда наши люди заговорят по-китайски и по-британски. В связи с этим критика А. Тойнби со стороны Л. Февра в устах наших авторов звучит как издевка над читателем — ведь их исследование уж точно не обобщение, извлеченное из конкретных фактов (истории и историографии).

Итак, наши историки, элиминировав влияние истории на объект изучения политологии, двинулись дальше в советское и постсоветское общество. Здесь солирует старший брат, представив на суд читателей самую большую в книге главу под названием «Электорально-клановая система ельцинской России и политическая культура советского тоталитаризма» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 153–273]. Метод тут избран тот же, только вместо светлых имен исторической классики вроде Ричарда Пайпса и Тибора Самуэли здесь фигурируют малоизвестные среднестатистическому историку (к коим себя относит автор этих строк) Д. Лэйн, М. Фейнсон, Ф. О' Делл, Дж. Хаф и ряд других. Они подвергаются мягкой экзекуции — мягкой, потому что часты ритуальные поклоны в сторону их заслуг. В части изучения советского общества они упрекаются в «упрощенном подборе источников», «необоснованном переносе концепций», т. е. в том, что «пользуются методами и подходами, полученными на основе изучения иных обществ и направленными на подтверждение уже имеющихся теорий» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 167]. Так, недалекие западные спецы перенесли, оказывается, на нашу почву понятие «группы интересов», а С. Уайт даже отнесла к политической активности советских людей участие в голосовании, посещение митингов и лекций, членство в политических группах. По мнению автора, эта активность проявлялась в невидимой борьбе за власть, в эзоповых дискуссиях в печати и посещении лекций (в чем же принципиальное отличие?) [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 171].

А. В. Лукин обвиняет западную советологию в отставании от развития методологии (пользуется методами XIX в.), а также в «диктате морали и политики», которые не менее характерны и для «официальных советских исследователей советского общества». «Диктат морали и политики» — это, оказывается, попросту говоря, влияние убеждений ученого на его выводы. Ну, в общем, от всей этой словесной шелухи теряется терпение. Ну почему сейчас, на пороге вполне вероятных наших грядущих смут, кому-то должно быть интересно, что в далекие 60-е годы (я вот, например, тогда был совсем маленьким) какой-то досужий француз тупо сравнивал советских секретарей обкомов и французских префектов, совершенно позабыв о том, что «между системами хозяйствования СССР и Франции различия были гораздо более фундаментальными, чем сходства» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 182]. Неужели были?

Дальше, как в детской игре, — «теплее», автор переходит к «западным трактовкам характера общества в постсоветской России». «Теплее»-то «теплее», но картина нарисована хорошо уже известная тем же детям. С середины 1980-х до середины 1990-х годов западные исследователи трактовали политический процесс в независимой России как борьбу между «реформаторами» и «консерваторами», «демократами» и «коммунистами» и т. д. По мере того как в России слово «демократ» стало приобретать разнообразные и обидные смысловые оттенки, «политическая мода сделала поворот на все сто восемьдесят градусов, и на Западе вновь возобладали тенденция к осуждению России» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 185]. Автор пересказывает нам критику российских экономических реформ, вместе с западными

специалистами рисует преступления российской власти, издевавшейся над многострадальным народом, а потом оказывается, что все эти «положения» не были новыми, все они с самого начала 90-х выдвигались отечественными критиками правительственного курса [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 194]. Стоило ли тогда беспокоить зарубежных коллег? То же самое можно сказать и касательно критики политических реформ. Здесь также были свои «правые», которые критиковали российских «реформаторов» за недостаточный либерализм, и свои «левые», недовольные недооценкой теми же реформаторами роли государства [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 199; кавычки поставлены мной, потому как в этой игре в прятки не разобрат, где правая, а где левая сторона].

Отдельно автор рассмотрел «нестандартные подходы к концептуализации российского общества». Тут учтена даже статья в «Независимой газете» некоего Т. Грэхэма (сотрудника американского посольства в Москве). Но, судя по всему, А. В. Лукина больше всего впечатлила американский антрополог Ж. Уэдэл. Она глубочайшим образом изучила посткоммунистическую Восточную Европу и блестяще применила понятия «клика» и «клан» для понимания сути политического процесса, происходящего в ней. При этом она удачно сравнила глав кланов (вроде Адама Михника) с бигменами Меланезии, которые аккумулируют богатства и поддерживают свой авторитет, даря подарки своим бедным соплеменникам и устраивая для них веселые пиры [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 205]. Она и определила посткоммунистические государства как государства-кланы. Вот тут на волне уже не критики, а восхищения западными коллегами патриотическое чувство явно изменило нашему автору, иначе он вспомнил бы массу отечественных работ об этих самых кланах, клиентеле и прочем. Высказывания же Ч. Фэрбэнкса о российских реформах как о форме «феодализации» государства на фоне бигменов выглядят какой-то вопиющей модернизацией. Впрочем, окончательный вывод автора касательно идей западных авторов достаточно суров: они (по большей части) не являются ни новыми, ни особенно глубокими [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 211]. Порассуждав дальше об их взглядах на суть демократии вообще и о попытках демократизации в частности, наш автор как-то незаметно для себя (и во многом для читателя) начал энергично «раскручивать» столь впечатлившую его клановую теорию.

Постараюсь кратко ее пересказать. Клань были и в СССР, они играли определенную роль и в КГБ, и в армии, и в МВД, но надолго контроль над институтами обеспечить себе не могли, так как это противоречило бы партийно-государственной структуре в целом [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 230]. Но все-таки причиной распада СССР было не наличие кланов, а формирование (тут автор согласен с А. А. Амальриком) особого советского среднего класса. Впрочем, это было глубинной, социальной причиной распада, а исторические изменения произошли все-таки сверху. Складывается такое впечатление, что автор «путается в показаниях», что, собственно, и неудивительно, ведь от исторических предпосылок явления он (историк!) предварительно отказался. После самоликвидации советской структуры клань, что называется, «разгулялись» — верховная власть начала формироваться на клановой основе. Почему? Да потому что в условиях кризиса власти, отсутствия формальных институтов на передний план выдвигаются родственники, товарищи по учебе, прежней работе и их родственники. Автор со знанием дела сортирует эти клань, находя территориальные, институциональные (ведомственные), эконо-

мические, идеологические и криминальные [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 232], и дает им соответствующие характеристики. Оказалось, что события 1993 г. — это борьба клана «Советов» во главе с Р. И. Хасбулатовым с «государственным кланом» Б. Ельцина. Борьба на местах — это тоже борьба кланов, а национальные лозунги использовались как предлог и т. д. Это была электорально-клановая система, а дальше в результате совместных действий чекистского сообщества (силовики) и «либеральных экономистов» за время пребывания у власти В. В. Путина путем завоевания одним из кланов доминирующего положения в государстве данная система была преобразована в государство-клан. Эта система — одна из разновидностей классического авторитарного режима типа южнокорейского при Паке Чонхи, тайваньского при Чан Кайши или пакистанского при П. Мушаррафе. Не знаю, обрадовался ли В. В. Путин такому сравнению... Главные черты такого строя известны: формальная демократия и «в то же время полный контроль правящей группировки во главе с непререкаемым лидером над основными источниками власти» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 271].

Вот такая у нас получилась новейшая история! Касательно мимикрийной демократии и вертикали власти, наверное, не поспоришь, но что же касательно исторических корней? Неужели это «осколки тоталитаризма» так расстарались [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 241]? Как всегда, обширные цитаты из малоизвестного до последнего времени «философа» И. А. Ильина и всегда знаменитого писателя А. И. Солженицына, рассказы другого писателя — С. Д. Довлатова — впечатляют, но опять же, как всегда, мало что разъясняют в реальном историческом процессе. Занятна акцентировка некоей длительности в развитии российской государственности последних десятилетий. «К концу 90-х годов XX в. российская политическая система была уже достаточно авторитарна и от диктаторской жесткости ее... спасала слабость центральной власти», а также личное уважение Ельцина к некоторым демократическим процедурам и мнению Запада. Позволительно спросить автора, а когда же наша система была не авторитарна (опускаем трудную на нашей почве проблему, что такое авторитаризм вообще)? Может быть, с 1989 по 1991 г.? Или какой-то месяц (два и т. д.) в этом году? Читателю важна бóльшая определенность.

О том, что наша страна не была готова к демократии западного толка (т. е. истинной демократии), мы знаем и без автора, но, собственно, кто глубинно эту демократию внедрял? С этим надо разбираться, ведь мимикрийная (иммитационная и т. д.) демократия и сейчас лишь прикрывает наш государственно-крепостнический строй. Похоже, автор окончательно стал заходить в тупик, попрекая и в начале следующей четвертой главы тех, кто преувеличивал роль и влияние авторитарных тенденций в истории и культуре России. Впрочем, эта глава (тоже написанная старшим братом) как раз и призвана разъяснить механизм «возникновения авторитарного режима» у нас в стране. Она носит красноречивое название: «Политический идеал и политический режим в постсоветской России: причины популярности авторитаризма в первом десятилетии XXI века». Это попытка «реконструировать аналитическую модель современного политического идеала населения России на основе совмещения интерпретационного и количественного методов, а также проанализировать влияние этого идеала на возникновение и перспективы современного российского политического режима» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 274].

Эта глава — одна из самых противоречивых в книге. Она, на первый взгляд, неплохо фундирована многочисленными таблицами и графиками, заимствованными из солидных изданий. Впрочем, начинает автор с пересказа результатов известного Гарвардского проекта конца 50-х годов — опроса русских эмигрантов [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 277–281]. Автор обращает внимание на то, что респонденты, участвовавшие в проекте, активно поддерживали идею сильного государства. Здесь он делает примечательную оговорку: не будем разбираться, было ли это влиянием коммунистической пропаганды или складывалось в еще более ранние периоды российской истории, а коммунистическая доктрина лишь наложилась на нее [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 281]. Как раз и стоило бы разобраться! Ведь проект Дж. Миллара, осуществленный через 30 лет, показал то же самое! Не пришлось бы автору так путаться в «создании» пресловутого «политического идеала». Сейчас же в одном месте он насчитывает почти с десяток основных черт «идеала власти» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 284], а в другом — пишет о либерализации как средстве достижения главной задачи — материального благосостояния [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 288].

Собственно, поиски «политического идеала» происходят на фоне изложения новейшей истории России. Мы видим, как пал СССР (причем в ход идет все тот же «средний класс» — изобретение Амальрика, поддержанное автором), как пал Горбачев, ставший жертвой своих реформ — не мог удовлетворить желаний народа («что вряд ли вообще было возможно»), следим за деятельностью Ельцина, который привел страну к непрекращающемуся кризису, а тот, в свою очередь, к широкому недовольству населения. Явно противореча своему утверждению о «политических идеалах», автор сообщает нам данные всех этих сомнительных опросов: население беспокоили только социально-экономические права, т. е., попросту говоря, «хлеб насущный». Нетрезвый дирижер берлинского оркестра стал очень непопулярен, и дальше Лукину приходится уже следить за борьбой «семьи» с «кликой Примакова», «продавливанием» «семьей» именно Путина и за деяниями нового российского президента. Интересно, что противоречия между двумя группировками государственных чиновников автор не склонен преувеличивать, поскольку это был как раз их (чиновников) «союз против распоясавшейся и неконтролируемой стихии “общества”, действительно представлявшего собой уродливую картину в ельцинской России» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 304]. Мне, как природному народнику, жаль, что общество в уме Лукина предстает только в виде уродства, вполне в духе Босха или Гойи! Далее в поле зрения — дела и дни В. В. Путина. Времена эти не очень радостные: на смену зависимых от избирателей, но независимых в словах политических деятелей типа Лужкова окончательно пришли бесцветные чиновники, была восстановлена власть центра за счет самостоятельности и политического влияния регионов, взяты под контроль «парламент» и СМИ, ограничена деятельность общественных организаций. Завершением построения путинской авторитарной системы стала передача власти «наследнику» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 311]. Так «электорально-клановая система» окончательно превратилась в «государство-клан», которое полностью зависит от крупных монополистических структур, в особенности сырьевых, его основная социальная база — чиновники. Внутренняя и внешняя политика Путина стала выражением интересов федеральной бюрократии и крупных олигархических (сырьевых) структур [Лукин А. В., Лу-

кин П. В. 2015, с. 324]. Но данные каких-то опросов показывают, что экономической политикой Путина многие довольны, так как уровень жизни реально повысился [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 322], а внешнюю политику (хотя многие и недовольны) [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 333] тоже принимают.

И вот наконец и долгожданный кардинальный вывод: демократия с самого начала (это какого же?) рассматривалась большинством россиян не как самоцель, но как средство политического идеала. Каков этот идеал, из текста понять трудно, но, оказывается, сейчас произошел не возврат к нему, «а, возможно, первая в истории его реализация на практике» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 338]. Вот так — ни много ни мало! Этот режим, оказывается, «коренным образом отличается от предыдущих — царского и коммунистического — именно тем, что он соответствует политическому идеалу и политической культуре россиян» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 344]. Интересно узнать, каких россиян имеет в виду респектабельный господин (судя по фотографии на обложке), старший Лукин: коррумпированных чинух, ворующих у народа миллиарды, «владельцев заводов, газет, пароходов», которые разбогатели за счет моего миленького ваучера, проданного в киоске на Витебском вокзале? А может быть, он пишет о российских пенсионерах, которые считают копейки и шляются по помойкам?

Но не будем впадать в политику... Для нас, историков, важнее другое: как заклинание Лукин повторяет, что история тут совершенно ни при чем. С одной стороны, старая политическая культура России плохо изучена, а с другой — то, что известно, свидетельствует, что в некоторые исторические периоды по уровню демократизации Россия была впереди ряда европейских государств. Поэтому объяснять сегодняшний авторитаризм отсутствием или слабостью демократических элементов сто или более лет назад вряд ли целесообразно [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 338]. «Тут не убавить, не прибавить», — сказал бы поэт, а мы сидим и поражаемся силе людей, создавших такой режим, — на пустом, считай, месте. Впрочем, не Путин создал авторитарный режим в России, но постсоветская политическая культура [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 341]. Да почему же российская культура все время создает какие-то авторитаризмы и тоталитаризмы?! Может, это и не культура вовсе?

Мне-то представляется, что если от советского эксперимента современная Россия все больше отличается (притом, пожалуй, только в социальной политике да в характере собственности), то от царской ее уже почти не отличишь. Даже и «попы» уже те же (это насчет идеологии...), а напасти (помните у поэта: «В России две напасти: внизу власть тьмы, а наверху тьма власти») — просто близняшки бед царского времени. Но, оказывается, есть и еще одно забавное объяснение в багаже исследователя. Авторитарный режим возник благодаря общественной апатии и разочарованию в политике, а усиление централизации и бюрократизации и последовательная ликвидация всех следов общественной активности и фрагментов гражданского общества приводят к еще большей апатии [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 341]. Ох уж эта московитская апатия! Тут уже и А. П. Щапов с его идеей особого апатичного состава крови россиян «отдыхает», как принято сейчас говорить. Похоже, что и дубинками ОМОНа от такой апатии не вылечишь...

Дальше «легким движением руки», вернее — пера, политолог превращается в прорицателя и рассуждает о тех явлениях, которые могут повысить активность

населения в выражении протеста против режима и составить угрозу для него. Постараюсь кратко, чтобы не утомлять читателя, перечислить эти явления: увеличение разрыва между бедными и богатыми; растрата значительной части средств властью на бессмысленные проекты; чрезмерное ограничение некоторых прав; падение цен на энергоносители. Впрочем, автор тут же оговаривается: «резкое падение цен на энергоносители в обозримом будущем представляется маловероятным» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 341–342]. Похоже, на роль Кассандры Лукин никак не подходит. И дело не только в злополучных энергоносителях (кто же мог предвидеть такое падение цен!), а в том, что можно еще многое вспомнить: коррупцию, которая, собственно, здесь и не коррупция, а *modus vivendi*; дикое загрязнение этими коррумпированными чинухами окружающей среды; рухнувшие здравоохранение и образование... Впрочем, я тоже не гожусь на какую-то особую роль, в данном случае — Шахерезады, и на этом остановлюсь. Народ-то все равно безмолвствует, а мудрый политолог объяснений не дает...

Вообще, когда считаешь такое, то сразу отпадает всякое желание «работать провидцем». Да и то правда: кто его знает, что и когда будет! Ясно, что российский государственно-крепостнический строй без смуты, сиречь гражданской войны, существовать не может, но когда это произойдет, через пятьдесят лет или сто, предсказать невозможно. Однако наш автор норовит поработать не только провидцем, но и Маниловым: «...для общественного развития было бы весьма желательно, чтобы к тому времени в России был создан механизм мягкой и законной передачи власти оппозиционным силам». Это — ко времени «серьезной вспышки общественного недовольства» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 343]. Эх! Хорошо бы у нас был такой славный механизм, например, в начале XX в. Впрочем, тогда наша история не манила бы тогда «загадками» и показалась бы «скучной», как американская.

Главу пятую, написанную снова обоими братьями, можно было бы не разбирать — она не имеет права на существование. Авторы как бы забывают о своем *know how*, не раз повторенном на протяжении книги: искать объяснение нынешней ситуации в недавнем прошлом. К чему тогда искать «поразительное сходство» мер, предлагавшихся злокозненными ельцинскими либералами, Е. Т. Гайдаром и его командой, да еще и говорить об «уроках истории» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 348]. Так оно и получилось: эта одна из самых бессильных и бессмысленных глав сочинения, так и не наполнившегося большим смыслом. Авторы рассуждают прежде всего о «поверхностной вестернизации». Я стараюсь быть объективным и вполне соглашусь с их утверждением, что «западные слова» «парламент», «политические партии» и др. имеют у нас совсем не западные, а другие значения, как и стоящие за ними институты. Но это само по себе уже трюизм, надо идти дальше и понять, что же эти слова и институты означают на нашей российской почве. Иначе возникают забавнейшие ситуации, когда политологи говорят, что люди недовольны многопартийной системой, а ее-то как раз и нет, ведь «партиями» называются вовсе никакие и не партии. Чем же они тогда недовольны? И таких ситуаций немало.

Лукины максимум что могут «задействовать» в своем анализе, так это развлечения выдающихся российских либералов-западников с девушками в банях или то, что один из них завел личный зоопарк, в числе счастливых обитателей которого оказался даже бегемот. Тут уж я совсем пасую: что это значит в исторической и ан-

тропологической перспективе? С девушками в бане — это, как говорится, «святое» для всех времен, народов и государственных устройств, а бегемотика, если бы была возможность, я бы и сам завел. Заводил же я в свое время кролика в городской квартире. Есть уже серьезные работы об антропологии современной власти, ее архаических корнях [Антропология власти 2006–2007].

Столь же поверхностны рассуждения авторов и о других явлениях экономической жизни. Стоило ли тревожить прах Петра Шувалова в связи с дикой гайдари-чубайсовской авантюрой и обнаруживать уже в «осмнадцатом» столетии «семью» и «олигархов»? А «жесткая финансовая политика» и «минимальное государство» — явления гораздо более глубинные, чем это кажется братьям, и надо находить им место в уникальном российском государственно-крепостническом строе. Дело ведь не в каких-то единичных и посему поверхностных аналогиях, а в необходимости найти те механизмы, которые сущностно характеризуют этот строй, те долговременные факторы, которые в совокупности создают его и делают одну из богатейших стран мира слаборазвитой державой. Впрочем, обо всем этом речь в историографии уже шла [Дворниченко 2010; Кондратьева 2006 и др.]. Одним авторитетом (при всем уважении!) Б. Малиновского и К. Поланьи тут ничего не решить. В противном случае постоянно будут возникать такие смешные и легковесные формулировки: «Типологически в Европе Россия гораздо более близка к таким государствам, как Болгария, Албания, Румыния, Сербия, где и наблюдаются во многом сходные с ней явления. Отличие России состоит в ее масштабах...» и т. д. А может быть, так кажется потому, что она, как сказал юморист, Азияопа?

В самом конце книги — совсем тривиальность: «успешные реформы в России всегда проводились сверху». Кто бы сомневался? Жаль, что у нас нет столь любезных просвещенным братьям Дэн Сяопина и Чэнь Юня (от себя замечу — хунвейбинов всегда в избытке и, что характерно, при любой власти). Вот и прощальные советы братьев повисают в воздухе (как не опирающиеся на должную историческую основу): «решительная роль государства в создании условий для повышения экономической активности населения и заинтересованности местных властей в развитии своих территорий», «решительная борьба с коррупцией, вплоть до ликвидации или коренной перестройки работы целых ведомств» (светлый пример полиции Грузии); «мощная финансовая и организационная государственная поддержка развития стратегически важных отраслей и регионов»; «активная государственная политика по созданию национального рынка, его защите»; «невмешательство государства в непосредственное ведение бизнеса, поощрение независимости профессиональных организаций и местного управления». Думаю, братья все-таки неправильно выбрали себе специальность. Им надо было стать певцами легкого жанра — Ф. Киркоровым и Н. Басковым, и петь эту песенку чиновникам на ночь. Те бы тихонько засыпали, довольно посапывая, — ведь все это они с удовольствием делают! Только ведь обычный непростой российский вариант: а что стоит за этими делами, да и за словами? Например, что теперь такое «профессиональные организации» и «местное управление»? И т. д. и т. п. Может быть, сначала что-то посерьезнее надо делать, революцию, например? Впрочем, революций в России, к счастью, никогда не было и, похоже, не будет.

Между тем мы добрались и до «Заключения». Тут братья, как ни странно, вновь вспоминают о презираемой ими музе Клио: «Исторические данные показывают,

что примитивные идеологические схемы «передовой Запад — догоняющая Россия» или «уникальная, ни с чем не сравнимая Россия» крайне далеки от реальности» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 379]. Конечно, душу любого российского гражданина грели бы другие схемы: «передовая Россия — догоняющий Запад» и «обычная Россия, сравнимая с Германией, США и т. д.». Но для этого нам и десятка Дэн Сяопинов не хватит!

Обвинив в очередной раз СССР (вот уж злыдень!) в нынешнем откате в области политических и творческих свобод, братья все-таки обнадеживают читателя: несмотря на то что культура либерализма и политическая система, гарантирующая гражданские свободы, сложились на Западе в результате его уникального исторического опыта (ну хоть для Запада исторический опыт признают, и то слава богу!), Россия все-таки может рассчитывать на полиархию. Я полез в словарь, словарь оказался старый, пришлось лезть в Интернет. По Роберту Далю (покойному профессору славного Йельского университета), полиархии — это режимы, которые в значительной степени соответствуют демократии. Эх, хорошо бы! Но дьявол, как всегда, в деталях — в той самой «степени». Впрочем, дело не в полиархии. Главная мысль авторов в другом: необходим определенный переходный период, ведь и в отечественной традиции есть элементы, способные эволюционировать в либеральную политическую культуру, на которую можно «посадить» демократический режим. Вот тут читатель и воодушевляется. Но рано: для утверждения либерально-демократического режима этих элементов мало. Нужно внедрять в общественное сознание представление о делимости власти, одновременно укрепляя власть государственную на всех уровнях. Неужели это все, что надо для вхождения в либерально-демократический коммунизм?! (Иного слова, чтобы сладко так было, не подберу.) Простите, сомнение берет, ведь в наших условиях крепнущая власть не только внедрять такое сознание не будет, а еще и его остатки, если они есть, выбьет. Кто ж тогда внедрять будет и для кого? Хорошо, что добрые авторы в последнем абзаце опускают нас на грешную землю и избавляют от мук сомнений. «А нужны ли России все либеральные ценности, которые исповедуются на Западе?» — задаются они вопросом. Да и то правда: на кой они при ближайшем рассмотрении? Нам подавай «собственную модель с не меньшим уровнем свободы и достатка, но более рациональным подходом к моральным ценностям, который бы не противоречил чаяниям и культуре большинства ее населения» [Лукин А. В., Лукин П. В. 2015, с. 381].

Тут я вздрогнул от неожиданности и решил оставить братьев в покое: я же не знаю, какому рациональному подходу они уже подвергли свои моральные ценности, возьмут да и устроят мне «темную»... К счастью, уже и книжка закончилась. А я скажу напоследок только то, что «политологию к истории» они не вернули, как, впрочем, и историю к политологии...

Источники и литература

- Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / сост. и отв. ред. В. В. Бочаров. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006–2007 (т. 1 — 491 с., т. 2 — 518 с.).
- Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994. 318 с.
- Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении Древнерусского государства. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: Клио, 2014. 560 с.
- Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Изд-во «Весь Мир», 2010. 939 с.

- Дворниченко А. Ю. Россия. Загадка истории. М.: Изд-во «Весь Мир», 2015. 240 с.
- Дворниченко А. Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 58–73.
- Лукин А. В., Лукин П. В. Умом Россию понимать. Постсоветская политическая культура и отечественная история. М.: Изд-во «Весь Мир», 2015. 384 с.
- Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Изд-во «Индрик», 2014. 608 с.
- Лукин П. В. Новгородское вече // Преподавание истории в школе. 2012. № 5. С. 10–15.
- Кондратьева Т. Кормить и править: о власти в России XVI–XX вв. / пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2006. 208 с.
- Dvornichenko A. Yu. The Place of Kievan Russia in History // Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. 2016. Вып. 4. С. 5–17.

References

- Antropologiya vlasti. Hrestomatiya po politicheskoy antropologii* [Anthropology of power. Readings in political anthropology]. In 2 vols. Comp.-ed. V. V. Bocharov. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2006–2007 (vol. 1 — 491 p., vol. 2 — 518 p.) (In Russian)
- Danilova L. V. *Sel'skaya obshchina v srednevekovoy Rusi* [Rural community in medieval Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1994, 318 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Zerkala i himery. O vznikenii drevnerusskogo gosudarstva* [Mirrors and Chimera. About the origin of the old Russian state]. St. Petersburg, EVRASIA Publ.; Moscow: Klio Publ., 2014, 560 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Rossiyskaya istoriya s drevnejshih vremyon do padeniya samoderzhaviya* [Russian history from the earliest times to the fall of the autocracy]. Moscow, “Ves’ Mir” Publ., 2010, 939 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Rossiya. Zagadka istorii* [Russia. The mystery of history]. Moscow, “Ves’ Mir” Publ., 2015. 240 p. (in Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Ehvoluciya gorodskoj obshchiny i genezis feodalizma na Rusi* [The evolution of urban community and the genesis of feudalism in Russia]. *Voprosy istorii* [The Questions of History], 1988, no. 1, pp. 58–73. (In Russian)
- Lukin A. V., Lukin P. V. *Umom Rossiiu ponimat'. Postsovetskaya politicheskaya kul'tura i otechestvennaya istoriya* [Mind Russia to understand. Post-Soviet political culture and domestic history]. Moscow, “Ves’ Mir” Publ., 2015, 384 p. (In Russian)
- Lukin P. V. *Novgorodskoe veche* [The Novgorod Veche]. Moscow, “Indrik” Publ., 2014, 608 p. (In Russian)
- Lukin P. V. *Novgorodskoe veche* [The Novgorod Veche]. *Prepodavanie istorii v shkole* [The Teaching of History in the School], 2012, no. 5, pp. 10–15. (In Russian)
- Kondrat'eva T. *Kormit' i pravit': O vlasti v Rossii XVI–XX vv.* [Feed and rule: On power in Russia, 16–20 centuries]. Moscow, ROSSPAN Publ., 2006, 208 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. The Place of Kievan Russia in History. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, issue 1, pp. 5–17. (In English)

Статья поступила в редакцию 8 октября 2016 г.,
рекомендована в печать 26 января 2017 г.